



ПРОСТРАНСТВО сцены было белым от снега, и эти бесконечные северные равнины казались листами бумаги, исчерканными заметками, рисунками, — листами, на которых юный Сергей Кротов напишет свой роман. Благодаря какому-то простому театральному чуду холодные снега выгораживали на сцене уютную комнатку, а когда над ними и сквозь них в сумраке светили звезды, мы переносились на улицы вечерней Москвы, где бродят вчерашние десятиклассники — Сережа и Катя Кротовы.

Спектакль ТЮЗа «История

саду, один из тысяч райцентровских «пяточков», куда придут актеры, чтобы сыграть шукшинские характеры и судьбы.

Сам Юра вырос в небольшом старинном Оренбурге. Вернее — в Оренбургском театре музыкальной комедии, где по сей день работают его родители.

Он с детства знал «изнанку» театра — дневной полумрак, обшарпанная коробка сцены, театральные реквизиты... На дощатом поворотном круге мальчика охватывал знобящий холод: то ли закулисный сквозняк, то ли предчувствие вдохновения...

словом, открывшим бесконечную перспективу в работе...

Простота не сразу далась. Понять, в чем она, — уже большая победа. Он стал писать классические натюрморты, снова и снова исследуя форму предметов, погружаясь в их цвет.

Искал помощи у великих учителей. Леонардо — многогранный и бесконечный, как сама жизнь; Сезанн, воспевающий душу предмета; пестрый, как бабочка, Матисс; трагичный, неистовый Ван-Гог.

...На диване, на полу — вороха разноцветного картона. Юра нашел один: девочка с

ему нужно, чтобы возник живой театр, «театральный взрыв!» А уж какими средствами этого добиться — тут каждый решает сам и в каждом спектакле заново.

Открытия не совершаются каждый день.

Действие нового спектакля ТЮЗа «Шаг с крыши», где Юрий работает главным художником, происходит в четы-

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО «ПРОСТОТА»

одной любви» — один из двадцати пяти, оформленных художником Юрием Зимовцом за его пока еще короткую театральную жизнь.

ЗИМОВЕЦ: — В последнее время я думаю: а не было ли это ошибкой — то, что я стал театральным художником? Театр — с одной стороны, очень глубокое явление, а с другой — некий механизм, требующий постоянной отдачи и ничего не оставляющий художнику на завтрашний день. Казалось бы, здесь нужно побережь себя, например, не вкладывать все силы в макет, зная, что впереди еще много всякой работы по спектаклю, но я понял, что в таком случае художник дважды теряет себя, — в результате установка, декорация все равно получается не такой, как хотелось. Поэтому над макетом нужно работать так, как если бы после этого не было спектакля.

Но спектакли есть. Есть старая купеческая Самара в «Защитнике Ульянове» — с пристанями, дымными трубами заводов, с тяжелой, маслянистой водой у причалов. И отраженный в этой воде, как бы тонущий в ней, неказистый провинциальный городок становится образом — символом старой России, которую мечтал перевернуть, всколыхнуть Володя Ульянов.

И есть «Сладка ягода» в театре музкомедии: дощатая танцевальная веранда в городском

Он с детства понял природу театра — бесконечно странствующего балагана, населенного веселыми актерами.

ЗИМОВЕЦ: — Мне нравится, как общаются люди внутри театра, как они ездят на гастроли, какие с ними случаются неожиданности, смешные и грустные, и что из всего этого получается...

Уже в десятом классе его работы были вполне профессиональны. Натюрморты, портреты той поры сделаны рукой мастера. Он ехал в Москву, заранее зная, что будет принят в институт. И вдруг — осечка. Подал документы в другой вуз — опять провал. Живопись и рисунок не подвели, подвело сочинение, которое он умудрился написать на двойку.

ЗИМОВЕЦ: — Сейчас я понимаю, что это меня спасло. Не дай бог, остался бы таким же самоуверенным мальчиком — «законченным» художником, которому ничего не остается, как бесконечно повторять один раз найденное.

Тогда я приехал в Оренбург страшно растерянным. Мой учитель, Михаил Николаевич Ефимов посмотрел новые работы и сказал: «А я считал тебя серьезней...». Это было непонятно — ведь ничего важнее живописи для меня не было! Михаил Николаевич добавил: «Не знаю, как объяснить тебе точно, но ищи простоту». И это стало для меня магическим

кошкой на коленях написана свободно, «без правил», как будто художник в задумчивости водил кистью по бумаге, пока неожиданно, сама собой не возникла «размытая» фигурка, глядящая вдали, «сквозь зрителя, глаза... Художник пытается раскрепоститься, уйти от себя вчерашнего, «разучиться» писать.

Эта работа стала переломной. Появилось стремление к искренности, начались поиски не стили, а правды. — бесконечные поиски.

ЗИМОВЕЦ: — В 1974 году, когда я уже учился на постановочном факультете школы-студии МХАТ, мы ходили по Москве страшно гордые. Нам казалось, что признанные лидеры сценографии — Левенталь, Боровский, Стенберг, в работы которых мы, конечно, были влюблены, уже сказали все, что могли. Слово за нами. И вот прошло несколько лет — Боровский по-прежнему делает открытия, а наше, самое молодое поколение театральных художников — пока в процессе становления. Понимаете, мы хотели сказать новое слово на материале, освоенном другими, а своей идеи, своего понимания театра предьявить еще не могли. И дело не в том, чтобы создать новый стиль — о чистоте стили пусть судят искусствоведы, спорят архитекторы и живописцы. У театрального художника другие измерения:

трех исторических эпох: каменный век, Франция, времена мушкетеров, Россия в огне гражданской войны и наш сегодняшний день. Увлекательная задача для художника! Но «взрыва» не произошло. Сработал тот самый театральный механизм, который не прощает, когда ему подсовывают сложные задачи накануне премьеры...

И все-таки в миг «перелета» из эпохи в эпоху, попадая в черноту космоса и видя удаляющийся цветной земной шар, зритель чувствует — живет театр! И сделал это художник Юрий Зимовец.

ЗИМОВЕЦ: — Даже если случится так, что я уйду из театра, я не смогу от него отрешиться, потому что он — во мне. «Весь мир — театр», — сказал Шекспир, и такое миропонимание свойственно, я думаю, каждому театральному художнику. Мы всегда будем завидовать свободе станковистов, работающих у холста в одиночку, но все-таки модель мира — театр, где жизнь и творчество — коллективны.

Н. СЛОМОВА,
наш внешт. корр.